Культура. – 2001. – 23 – 29 авг. – с. 12

Баллада о книжном терминаторе

Фрагмент из нового романа Льва ГУРСКОГО "Копье дракона"

– Вы уверены, что они наедут сегодня днем? – осторожно спросил Сойкин. – Через час ведь закрываемся на обед.

– Наедут, – обнадежил я. – Налетят. Не волнуйтесь, Лев Борисович, Кутя прожорлив. Если он раскатал губу на вашу торговую точку, то заявится в гости всенепременно. И уж тогда, пожалуйста, без самодеятельности.

Директор магазина "Юность" Лев Борисович Сойкин сразу принял мой голливудский сценарий на "ура". Главный менеджер торгового зала Володя Тростенецкий, которому я клятвенно пообещал свести беспорядок к минимуму, тоже одобрил план, хоть и посомневался немного для приличия.

Гости возникли на горизонте в 13.55, за пять минут до перерыва. Сквозь стеклянную витрину я увидел, как серый шестиместный "ровер", набитый под завяз, вывернул на Большую Полянку откуда-то со стороны Старомонетного переулка и, противно скрипя покрышками, встал неподалеку от дверей магазина. Пятерка стриженых бакланов во главе с боссом Кутей гуськом одолела три метра тротуара и вступила на крыльцо. Очевидно, предводителю этой братии кто-то насвистел в порядке грубого подхалимажа, будто бы он, Павел Иванович Кутепов, тридцати шести лет от роду, дважды судимый, в такой вот широкополой шляпе из натуральной замши – ну просто вылитый техасский рейнджер Уокер. На самом же деле американская шляпа а-ля Чак Норрис сейчас придавала тощему Куте вид одинокой поганки, по дурости затесавшейся в шеренгу круглоголовых подосиновиков. А вся компания сильно смахивала на иллюстрацию к любимой книге моего детства "Война грибов".

– На исходную! – тихо скомандовал я.

Лев Борисович вместе с кассиршей Галей послушно юркнули в подсобку, оба охранника исчезли за стеллажами в конце зала, а Тростенецкий с сонным видом прилепился к кассовому аппарату – как будто весь день самолично выбивал чеки и даже слегка подустал.

Тренькнул дверной колокольчик.

– Здрасьте! – гауляйтер Кутя торжественно вступил в магазин, который уже считал наполовину своей вотчиной.

Пятеро его подручных гоблинов с легкими бильярдными киями в руках проследовали за чахлой спиной предводителя.

Не теряя времени даром, они начали сшибать своими деревяшками книги с ближних рекламных стендов. Хорошо еще, предупрежденный мною Тростенецкий загодя расставил на этих стендах вместо свежих новинок неликвиды из складских залежей – те, которые предназначались на уценку или списание. Благо Кутины братки разбирались в текущем ассортименте примерно так же, как дикие кабаны в благородных французских винах: весьма поверхностно.

– Вы чего... эй, вы чего, парни?.. – растерянным голосом спросил Володя, высовываясь из-за кассы. Надо признать, свой испуг Тростенецкий изобразил весьма артистично. То ли главный менеджер блистал когда-то в школьной самодеятельности, то ли впрямь немного струхнул. Для нашего плана разницы нет – важен конечный результат.

– Ничаво-ничаво! – весело передразнил менеджера Кутя.

– Дружбаны пришли, вот чаво. Ну-ка зови директора этой богадельни. Поздоровкаться хочу с вашим Левой.

Гоблины между тем опустошили несколько боковых стеллажей, небрежно раскидав по полу две-три охапки разноцветной глянцевой макулатуры со стендов. Затем они составили свои деревяшки в уголок и толпою сгрудились в тылу предводителя.

Насколько я помню старинный этикет официальных наездов, первый раз пришельцам надлежало годить, не устраивать никакого погрома, а всего лишь с мрачными рожами поигрывать тяжелыми бейсбольными битами. Однако же Куте ничего не стоило запамятовать этикет и перепутать спортинвентарь. Из всех столичных гауляйтеров этот герой дня без сахара был самым темным.

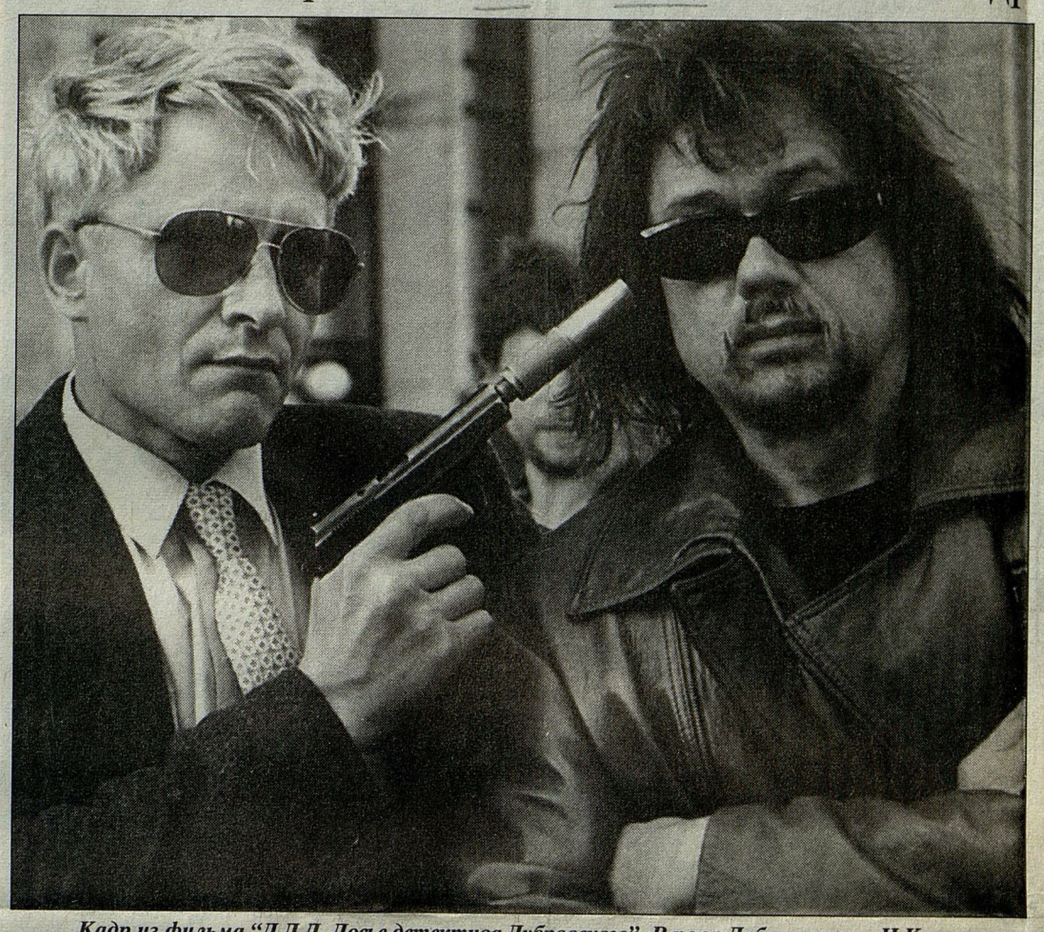
Всего же гауляйтеров было в городе около сорока. Персональный их состав иногда обновлялся, но общая численность оставалась неизменной. Так повелось еще со времен Большой Дележки конца восьмидесятых, когда средь шумного бала книжники все-таки урвали свое. По заведенному раскладу весь район Полянки (где, кроме сойкинского магазина, существовала и элитарная книжная лавка "Евгений Онегин" в Казачьем переулке) курировал господин Городовиков Александр Александрович, в узких кругах известный как гауляйтер Саныч. Делая основные бабки на реимпорте офисной бумаги и обложечного картона, Саныч мог позволить себе меценатство. Книжные точки на своей территории он почти не выдаивал. То есть брал, естественно, мизерный процент с черняка, а на белые деньги вообще глядел сквозь пальцы: пусть-де и Госналогслужба потешится, срубит сколько-нибудь себе в казну, ему не жалко. Благодаря такому отчаянному либерализму местного гау торговые дела "Юности" шли совсем недурно. Да что там "Юность"! Сам Готлиб Ауэрбах, он же дядька Гоша, старый московский фанат искусства ради искусства из магазинчика "Евгений Онегин", и тот ухитрялся как-то зарабатывать себе на хлеб с кефиром, почти без наценки распространяя среди бедных московских интеллигентов ученые трактаты крестных отцов мирового постмодерна.

Пир духа продолжался лет шесть и закончился примерно месяц назад, в начале мая, едва господин Городовиков капитально слег с диагнозом "обширный инфаркт" (сказались его тесная дружба с водочкой плюс давнишние познавательные экскурсии по тундре, по железной дороге, где встречается редко городской экипаж). Опасаясь наката, врачи-вредители по обыкновению темнили с приговором. А поскольку при еще живом товарище Совет гауляйтеров не рисковал делить его наследство, возникла заминка, которой поспешил воспользоваться сосед Кутя.

– Что за бардак вы тут развели? – глумливо укорил Кутя менеджера. Рисуясь, он пинком отфутболил к кассе ближайший фолиант, сброшенный его мордоворотами со стенда. – Гляньте, люди добрые! И это – книжный магазин? Ай-яй-яй! Всюду грязь, срач, бумажки валяются, как в привокзальном толчке. Смотреть больно. Ну где там ваш Лева? Лева-а-а, ау-у-у!

Гауляйтер-поганка специально говорил погромче, чтобы, кроме человека за кассой и дуболомов с бильярдными киями, его услышали посетители "Юности". Дешевый понтярщик Кутя обожал выделываться на публике и потому нуждался в некотором количестве зрителей. Правда, численный перевес обязан был быть на его стороне. Паратройка развесистых фраеров – этого вполне хватит для куража. Аншлага в таких делах не требуется.

За пять минут до обеда народу в торговом зале действительно осталось всего-ничего. Лупоглазая кроха-школьница замерла возле прилавка с женскими романами из серии "Соблазны". Демократического вида технарь-интеллигент, сунувший нос в свежий томик фантастики, все никак не мог оторваться. Крупноформатная мадам лет пятидесяти придирчиво выбирала себе очередную порцию книг по лечебному голоданию. Да еще над столиком с разным букинистическим хламом, неподалеку от двери, близоруко сгорбился седенький лучистобородый дедуля-книголюб лет девяноста – в белой детской панамке, в парусиновом костюме эпохи нэпа и скороходовских галошах из тех же времен, в треснутых очках на ржавой металлической цепке, с самодельной клюкой и веревочной авоськой, из которой напоказ всему миру выглядывали белый початый рулон туалетной бумаги и оранжевая клизма.



Кадр из фильма "Д.Д.Д. Досье детектива Дубровского". В роли Дубровского – Н.Караченцов

Однажды частный детектив Яков Штерн проснулся знаменитым. Правда, под фамилией Дубровский и как герой популярного телесериала "Д.Д.Д. Досье детектива Дубровского". Телесериал был снят по роману писателя Льва Гурского "Поставьте на черное". Впрочем, и до того Яков Семенович Штерн, расследующий запутанные дела в весьма опасной сфере книжного бизнеса, был исключительно любим всеми, кто отдает предпочтение ироничным, увлекательным, умным, в известной мере познавательным детективам Льва Гурского, а среди них оказались даже строгие литературные критики, номинировавшие его романы на престижную Букеровскую премию. С удовольствием сообщаем – литературная судьба Якова Штерна продолжается. Лев Гурский заканчивает новый роман под условным названием "Копье дракона", в котором Якова Семеновича ждут новые приключения. Конечно, чем они закончатся – неизвестно. Зато известно, с чего начнутся – с баллады о книжном терминаторе. Предлагаем читателям пролог к новому роману.

– Долго мне еще ждать? – капризным тоном спросил гауляйтер-поганка, делая знак съедобным грибам, чтобы те построились в каре за его спиной. – Я ведь знаю, директор здесь. Эй, Леопольд, выходи! А то за шкирку вытащим!

Кутя довольно удачно выбрал время наезда. Роковая его ошибка заключалась в том, что бородатым чучелом в панаме сегодня был я.

– Ребята, вы зачем тута фулюганите? – возмущенно скрипнул древний книголюб и зашаркал навстречу гостям. При этом ветхий бородач как-то сразу оказался ровнехонько на линии между Кутей и кассой. Операция "Старость – не радость" началась.

– Дедуля, – с лучезарной улыбкой произнес Кутя, – уйдите с дороги. Пожалуйста. Мне ведь только дунуть, старый вы козел, и вас унесет за километр.

– Я? Я козел?! – завелась с полуоборота воинственная развалина, потрясая клюкой. – Да я таких, как ты, еще в гражданскую...

Гауляйтер-поганка картинно щелкнул пальцами, и из-под правой его руки вырос гоблин.

– Очень медленно. Очень нежно. Переставь этого ветерана Куликовской битвы обратно к стеночке, – приказал, даже не поворачивая головы, Кутя.

Съедобный гриб из Кутиной кодлы приблизился ко мне вплотную и лениво посоветовал:

– Брысь, дед.

В следующую секунду моя правая скороходовская галоша впечаталась в его левую адидасовскую кроссовку, а стальное острие клюки достигло коленной чашечки правой ноги этого дуболома. Если кто-нибудь думает, что в таком положении легко сохранять равновесие, пусть попробует сам. Я посмотрю.

– А? – с удивлением квакнул дуболом и начал падать затылком прямо на один из недоразгромленных стеллажей. Именно туда, где в опасной близости от края верхней полки балансировали пухлые ежегодники Российской академии искусств.

– Ты чего, дедок? Тебе в крематорий охота? – неосторожный Кутя еще не забеспокоился. Только слегка удивился внезапной прыти дряхлой руины в панамке. Быструю победу старой песочницы над своим бойцом он, похоже, приписал несчастному случаю. Раз в десять лет и банка огурцов взрывается. И покруче фугаса.

Вместо ответа на хамский вопрос Кути я отбросил ненужную клюку, выхватил из авоськи рулончик туалетной бумаги и выставил его перед собой на манер щита или гранаты.

Бытовой героизм отважной рухляди со стороны выглядел, подозреваю, невероятно смешно.

Кутя вновь щелкнул пальцами, и из-за его левого плеча на меня вразвалочку пошел еще один мордоворот. Но не дошел. Туалетная бумага оказалась с сюрпризом. Изготовили этот веселый рулончик не у нас в Москве и даже не в эпицентре российской туалетно-бумажной индустрии городе Кондрово Калужской области, а, напротив, в далеком Нью-Йорке. Нью-йоркские Эдисоны додумались до гибрида праздничного серпантина с клейкой липучкой для мух. Забавная получилась штуковина. Удобная в броске. Самым главным тут было – не выпуская из рук хвостика ленты, метнуть это безобразие аккуратно в цель. После чего жертва американского юмора сама, трепыхаясь, наматывала на себя все пятьдесят пять метров прочной липкой бумаги. И фиг потом самостоятельно разматывалась. Уже проверено.

Превращение мордоворота в белый кокон заняло всего секунд десять.

– Урррройте его! Все! – коротко взрыкнул гауляйтер-поганка. Последняя троица гоблинов пошла в наступление одновременно с трех сторон. Отступать мне было некуда: позади касса.

Впрочем, фронтально-фланговая атака опасна, когда ты к ней не готов. А я был готов. Правая моя рука уже раскручивала в воздухе цепь с очками на конце (обе дужки отлиты из натурального свинца). Левая – сжимала полную клизму в предбоевой позиции.

Вжжик! Импровизированная праща улетела на правый фланг и там соприкоснулась с незадачливым Голиафом. Звон был еще тот.

Тем временем левый фланг не дремал. Другой образец нынешней молодежи уже пересекал мордой мысленную траекторию струи из ручной клизмы. Пора, брат, пора! Я торопливо сдавил резиновые бока своего орудия.

Клизма издала звук "пззз", плавно переходящий в "пшшш". Сто миллилитров прозрачной жидкости желтого цвета за четверть секунды достигли выпученных гляделок гоблина. Вы никогда не пробовали использовать самодельную перцовку в качестве глазных капелек? Нет? Ну и не пробуйте. Ни в коем случае.

– Оооо! Жжжется!! – гоблин инстинктивно взметнул лапы к физиономии и слепо зашарил ими в поисках глаз: на месте ли? Перца в перцовку я навалял от души, не пожадничал.

– Так тебе и надо, – злорадно проговорил дедуля-террорист, делая быстрый шажок в сторону. Всякую ориентацию на местности переперченный гоблин утратил. С громким матом он ринулся на голос, проскочил мимо кассы – чтобы где-то на периферии моего зрения успешно врезаться всем корпусом в боковой стеллаж. И, судя по шуму, обвалить его содержимое прямо на себя. Ай-яй-яй.

Кажется, Володя Тростенецкий именно на тот стеллаж составил неликвидную классику – комплектов тридцать наглухо подвисшего Николая Добролюбова в задубевших от времени сизых переплетах. Вот и пригодился ваш луч света в тридевятом царстве, товарищ классик. Примите наши поздравления. Из пяти мордоворотов в строю остался всего один.

– Гаси его! – заорал гауляйтер Кутя, имея в виду не Добролюбова, а конкретно меня.

На свою беду, гоблин-тяжеловес повёл себя как типичный партийный догматик, тупо затвердивший основной постулат марксизма: "Вся сила Карла – в бороде". Будь пятый мордоворот хоть немного посмекалистее, он крепенько подумал бы, стоит ли поддаваться на провокацию и хвататься рукой за седую бороду противника. Ту самую, которую злокачественный старикан услужливо выпятил ему навстречу – разве что не повесил на ней табличку "Дерни за меня!".

Рррраз! Пальцы гоблина сомкнулись на седом венике. За моей спиной Тростенецкий испуганно ойкнул. Не переживайте, Володя, у нас все схвачено.

В тот же миг по торговому залу разнесся веселый треск. Моя борода выстрелила маленькой зеленой молнией, а затем последний Кутин кадр, выпустив из руки добычу, с болезненным кряканьем стал опрокидываться на пол. Еще мгновение – и пол вздрогнул от тяжкого падения тела гоблина. Не далее как три часа назад я упрятал в бороду два электрода, а мощный конденсатор, какие используются в полицейских шокерах, прицепил под рубашку.

Перешагнув через лежащего мордоворота, я вплотную приблизился к гауляйтеру-поганке. Борт в борт. Тот ошалело таращился на меня, словно библейский Лот на двухрублевую пачку поваренной соли.

– Ку-ку! – негромко сказал я и, чтобы не вызвать у Кути приступа религиозного психоза, слегка приподнял свою стариковскую панамку. Под нею вместо сияющего нимба или редких седых кудельков девяностолетнего дедули можно было увидеть нормальную прическу брюнета лет сорока от роду.

В глазах Кути промелькнуло нечто вроде озарения. Арбитражами в Балашихе, где московские гауляйтеры обычно перетирали свои напряги, этот отморозок пренебрегал, но обо мне просто обязан был кое-что слышать. Слава неустрашимого, неподкупного и безжалостного частного сыщика бежала впереди меня, подметая пыльный асфальт хвостом сплетен. На моем счету были три остановленные войны книжников – бибиревских с отрадненскими, измайловских с кусковскими и преображенских с михайловскими. В каждом из трех случаев я, по слухам, действовал предельно жесткими методами. Огнем и мечом.

– Меня зовут Штерн. Яков Штерн, – подтвердил я Кутину догадку. – Теперь ты въехал, дурило?

Кутя дрогнул и подавленно кивнул.

Чтобы морально добить человека-поганку, я вытащил из кармана реликтового пиджака зеленый фломастер и зеркальце. Сдвинув роскошную шляпу Куте далеко на затылок, я позеленил ему лоб перекрестьем мишени и дал полюбоваться отражением.

– В следующий раз здесь будет пуля, – грозным шепотом пообещал я и влепил ему предупредительный щелбан точно в мишень. – Если хоть одна нога кого-то из твоих ублюдков переступит порог моего магазина. Понял?

Кутя принял щелбан как должное. С готовностью и раскаянием.

Гауляйтер скосил глаза на дверь, уже готовый линять. Было ясно, что при живом Якове Семеновиче (а я надеялся прожить еще долго!) в магазин Сойкина он больше не сунется. Не рискнет. И поскольку ощутимый физический урон его гвардии я уже нанес, мне оставалось завершить операцию "Старость – не радость" легкой финансовой оплеухой самому Куте. Чтоб было не больно, но обидно.

– Сперва оплати нанесенный магазину ущерб, – потребовал я. – В размере...

– ...десяти тысяч рублей, – из-за моей спины подсказал Володя Тростенецкий, завысив стоимость погрома раз эдак в десять.

Кутя торопливо выгреб из карманов бумажный ком, сосчитал мятые пятисотки и попытался вручить их мне.

– В кассу, в кассу, – повелел я. – Володя, оприходуйте сумму как плату за мелкий опт. И пусть забирает товар. Мы законов не нарушаем.

Лязгнул кассовый аппарат, из прорези вылез чек, и новоявленный книголюб Павел Иванович Кутепов стал законным обладателем всей той макулатуры, которую его же гаврики разбросали по полу.

Наверняка директор Сойкин и не чаял сдать складские неликвиды по цене наимоднейшего отходняка. Пусть это ему будет маленькая компенсация за сегодняшнюю нервотрепку.

Сам Кутя неоднократно порывался забыть свое имущество в магазине, но всякий раз я строго грозил ему пальцем: дескать, бери-бери, нам чужого не надо. Потому-то прежде чем сесть на водительское место, гауляйтеру собственноручно пришлось набить вместительный багажник своими приобретениями. До упора.

– Благодарим за покупку, – учтиво произнес Володя, когда Кутя перетаскивал на горбу последнюю партию макулатуры.

– Ы-ы-ых... – Это было самое вежливое, что навьюченный гауляйтер-поганка мог выдавить из себя в присутствии Якова Семеновича.

Как только Кутин "ровер" исчез с горизонта, из подсобки выкатился счастливый Лев Борисович Сойкин. В руке он держал заранее заготовленный конверт.

– Нет слов! – с чувством пропел директор "Юности", вручая мне гонорар. – Буквально нет слов! То есть вообще нет никаких слов!..

Видно было, что переполненный эмоциями Сойкин растерял в подсобке все комплименты – и оттого готов хоть до вечера исполнять в мою честь эту "Песню без слов" Мендельсона. Не утешайте меня, Лев Борисович, мне слова не нужны. Работа у нас такая.